

НАША СТРАНА

Год издания—57-й. Буэнос Айрес, суббота 22 января 2005

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 22 de enero de 2005 N° 2763

ПРОТОДИАКОН ГЕРМАН ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКОЕ САМУРАЙСТВО

В этом году исполняется 100-летие Русско-Японской войны. За истекший век, конечно, немало произошло переломов, как в мировой, так и особенно в русской истории, что отчасти и объясняет относительное затмение этой войны. Всем также известно, чем она окончилась для России, но тем не менее удивляет, что так мало отмечается этот юбилей, будто подвиги всех, кто рыцарски исполнил свой военный долг и пролил кровь, сражаясь "За Веру, Царя и Отечество", прошли зря.

Много говорилось и писалось о причинах поражения России: плохая подготовленность к войне, ошибочное представление о настоящем уровне японских военных сил, ошибки в командовании, отдаленность фронта от столицы, очередное проявление антирусской настроенности со стороны великих держав, отказавших, в частности, русским кораблям причаливать к иностранным портам, что вынудило 2-ю Тихоокеанскую эскадру совершить чуть ли не кругосветное безостановочное путешествие прежде чем прибыть, изнуренной, на театр военных операций. Но, как говорится, прошлого не воротишь и негоже переписывать историю. Напомним только всем, подтрунивавшим над Царской Россией и прозвавшим ее колоссом на глиняных ногах, о неудачах, пережитых впоследствии, без особых подвигов, некоторыми крупными державами.

Итак, вернемся к Русско-Японской войне. Думая о доблести Русской Армии и флота первое, что приходит на ум это "бессмертный" **Варяг**. Даже знаменитый хор Красной Армии, говорят, никогда не сходил со сцены, не исполнив душещемляющую песнь о **Варяге**. Героизм, или проще — самоотверженное чувство долга капитана 1-го ранга Руднева и всего экипажа хорошо всем известно. Но подвиг легендарного **Варяга** был повторен и другими, в частности не менее легендарным кораблем, крейсером 1-го ранга "Рюрик", последним командиром которого, по старшинству, суждено было быть нашему прадеду, контр-адмиралу Константину Петровичу Иванову-Тринадцатому тогда молодому 32-летнему лейтенанту-арти-

леристу К. П. Иванову-13, сменившему в бою погибших от ран командира капитана 1-го ранга Е. А. Трусова и старшего офицера.

"Рюрик" входил в состав знаменитого Владивостокского отряда крейсеров под командованием контр-адмирала К. П. Иессена, который еще до роковой даты 1/14 августа 1904 г. вошел в анналы истории своими дерзкими рейдами к

справиться с дерзновенным отрядом, что ему никак не удавалось. В английской печати писалось: "Крейсерство Владивостокского отряда — наиболее дерзкое предприятие из всех проделанных русскими. То, что их кораблям удалось скрыться от эскадры Камимур, возбудило общественное мнение в Японии".

Но пришло время японскому адмиралу утолить свое

стал описывать беспомощные круги по воде. *Россия и Громобой* старались привлечь на себя огонь, чтобы дать возможность *Рюрику* исправить рулевое управление, но все попытки оказались тщетными. Во избежании самими быть приведенными в окончательное небоевое состояние и быть захваченными японцами, с тяжелым сердцем *Россия и Громобой* решаются оставить *Рюрика* одного в надежде тем самым увлечь за собой ко Владивостоку главные силы адмирала Камимур. Но и эта тактика не удалась: после недолгой погони за русскими, японские корабли вернулись к *Рюрику* и в него буквально вцепились мертвой хваткой. На борту искалеченного героя, пробитого снарядами, с перебитыми мачтами, с исковерканными котлами, с полностью поврежденными орудиями, не в состоянии ни двинуться, ни защищаться *Рюрик* погибал, но не сдавался.

Лейтенант Иванов-13, сам трижды раненный, с осколком снаряда в голове (впоследствии изъят и хранящимся до сих пор как реликвия), один против шести, решительно отказывается спускать славный Андреевский флаг и после более пятичасового отчаянного сражения приказывает взорвать крейсер. Однако даже это оказывается невозможным: часть бикфордовых шнуров погибла во время боя, а другая часть их находилась в затопленном водой рулевом отделении. Тогда К. П. Иванов-13, заранее уничтожив все секретные документы, принимает самое последнее решение и приказывает открыть кингстоны. Как верно отмечено в нижепомещенном некрологе Ю. Тарасова, героизм поведения всего экипажа тем более велико, что весь этот прямо сверхчеловеческий героизм проявлялся без всякого расчета, лишь ради чувства долга, по чистой совести — "Без расчета на награды. Без надежды прославиться, ибо волны сотрут все", как так правдиво и метко написано в некрологе.

О том, какая картина творилась на борту имеется немало свидетельств. Приведем выдержки из того, что писал спасшийся флотский священник, сам герой, якут иеромонах Алексей Оконешников: "По боевому расписа-

берегам Японии, наводившими панику на противника. При этом сами крейсера долгое время оставались неуловимыми для японского флота, в связи с чем зарубежная печать прозвала их "кораблями-призраками". Отряд, состоявший из всего трех крейсеров *Россия*, *Громобой* и *Рюрик*, блестяще справлялся с возложенной на него обязанностью — постоянными набегами и потоплением ряда японских судов отвлекая часть кораблей неприятеля, осаждавших Порт-Артур. Главкомандующий японского флота адмирал Того поручил вице-адмиралу Камимуре

накопившееся чувство мести... Вышедший 28 июля (по старому стилю) для встречи с эскадрой адмирала Витгефта, и не зная, что эскадра была японцами разбита, Владивостокский отряд, в Корейском море на уровне порта Фузан, 1 августа попал в настоящую ловушку, наткнувшись на значительно превосходящие неприятельские силы. Русские корабли очутились под огненным градом японской стрельбы. *Рюрик*, стоявший в конце колонны, после часовой битвы получил значительное повреждение, от чего заклинился руль. Маневрировать стало невозможным, крейсер

нию мое место было в лазарете. Но скоро там оказалось столько раненных, что не то, что операции, а не было возможности сделать и перевязки. Сражались все самоотверженно. Я сам видел, как матрос с оторванной ногой, руками пытался остановить кровотечение.

— Батюшка, сказал он, идите к другим, я и без перевязки обойдусь.

Немного спустя я видел, как этот самый матрос, опираясь на какую-то палку, выстрелил из 75-миллиметрового орудия и сам повалился как подкошенный сноп.

— Командир ранен...

Я бросился на мостик и нашел капитана 1-го ранга Трусова, истекающего кровью. У старшего офицера лейт. Хлодковского были оторваны обе ноги. Его хотели унести, но он запретил и слабым голосом запел гимн. Это был тот самый офицер, который в 1886 г. будучи гардемаринном, за революционную деятельность был разжалован в матросы и сослан в Каспийскую флотилию, где снова выслужился до офицерского чина.

Командование принял лейт. Зенилов. На мостике сигнальщики и рулевые — все убиты. Все палубы покрыты трупами и кусками разорванных человеческих тел. Всюду кровь. На батарейной палубе свирепствуют пожары. Их тушат раненные. Многие не могут стоять и держат шланги, кто лежа, кто стоя на коленях. Лейт. Зенилов ранен в голову. Лейт. Иванов-13 принимает командование, несмотря на то, что сам уже ранен и контужен. Умирающий лейт. Хлодовский кричит "ура", немедленно подхватив командой.

— Ободряйте людей, батюшка, — произносит он из последних сил и снова раздаются подхватившие командой торжественные звуки "Боже, царя храни".

Небольшой снаряд разрывается о крышу боевой рубки. Убит раненный командир. Лейт. Зенилов ранен в третий раз. Лейт. Иванов-13 приказывает затопить крейсер, чтобы он не достался врагу. На корме еще стреляет последняя пушка. *Рюрик* быстро тонет. Надо исповедывать раненных. Они лежат по всем направлениям. Среди массы трупов,

среди оторванных человеческих рук и ног, среди крови и стонов, я стал делать общую исповедь. Как потрясающая была эта общая исповедь перед самой смертью многих. Одни крестились, другие протягивали руки, третьи смотрели полными слез глазами. Картина была ужасная. Лейтенант Иванов 13 передал мне спасательный круг и советовал скорее оставить судно.

— Не знаю, как я оказался в воде, — продолжает свой рассказ о. Алексей. — *Рюрик* все глубже и глубже садится в воду, нос поднимается в воздух, блеснул мокрый киль и не стало нашего чудесного корабля, нашего дедушки, как мы все его называли.

Странное чувство охватило меня и я заплакал как ребенок. Но сделав усилие над собой, я крикнул "ура". И десять раз подряд, пока окончательно не скрылись сломанные мачты и вместе с ними не исчезли стенговые флаги, плававшие в воде люди кричали "ура" в честь *Рюрика*.

Перед величием зрелища, адмирал Камимура забывает о утаенной мести и приказывает всем своим кораблям спасти остатки команды. "Для меня было честью сражаться с таким противником, как *Рюрик*", сказал японский адмирал, пожимая руку каждому спасенному русскому герою.

Много можно было бы привести другие свидетельства, но этого, видимо, достаточно, чтобы убедиться в том, что — перефразируя Лермонтова — были люди не те, что нынешнее племя.

После окончания войны лейтенант Иванов-13 был награжден орденом св. Георгия и представлен Государю Императору Николаю Александровичу, пожелавшему лично поблагодарить его и в "воспоминание о столь знаменитом событии в службе заменить порядковый номер "13-й" и отныне писать "Тринадцатый" полной прописью, присоединив эту цифру к его и его потомства фамилии как неразрывную часть. Прощаясь, Царь-Мученик подарил круг-

лые золотые карманные часы, с вылитым двуглавым орлом, знаменитой фирмы Бурэ, поставщицей двора Его Величества.

На славном примере *Рюрика*, можно лишней раз проверить, что такое, не на словах, а на деле, "Белый Дух", проявлявшийся естественно не только в Русской Армии, но и во всех проявлениях человеческой жизни. Чувство чести, чувство долга, отказ от безпринципности, подлости и материализма всегда были присущи "Белому Делу" и, в частности применимы по отношению к церковным вопросам, что сегодня, как никогда, можно проверить.

В одном частном письме, Епископ Дионисий (Алферов) однажды начертал, как бы план возможного будущего труда. "Замысел Ваш о *Рюрике*, Белом движении и Зарубежной Церкви мне кажется очень удачным — пишет Владыка. — Символика здесь напрашивается сама собой. Эскадра крейсеров адм. Иессена (в том числе и *Рюрик*) — символ активного сопротивления (а значит Белого Движения и Зарубежной Церкви). Порт-артурская эскадра адм. Витгефта — символ пассивности, неверия в победу, пораженчества. Такие корабли как *Цесаревич* ушедший в Циндао, или *Диана*, ушедшая в Сайгон и разоружившиеся до конца войны — символ евлогианства (переждать в чужом порту, отсидеться). Аналогично в Цусимском бою. Эскадра адмирала Небогатова, которая сдалась в плен — символ сергианства, эскадра адмирала Энквиста, ушедшая к американцам на Филиппины — символ евлогианства. Главный вопрос XX века — об отношении к боготорческой власти, об отношении ко злу — и здесь аналогии из военной истории просто необходимы для объяснения вопроса.

Итак, поздравим с морским праздником всех потомков славного Российского Флота и не забудем, что наш Первоиерарх Владыка Митрополит Виталий — сын морского офицера Черноморского Флота.

(Среди многих воспоминаний о покойном герое, предлагаем этот некролог, написанный в декабре 1933 г., как образец духа Белой эмиграции).

† К. П. Иванов-Тринадцатый

Жалкие, слепые люди. Судите друг друга по мелочам, по партийности, даже по одежде, а не замечаете жаркого горения, которое синее в недрах души человеческой. И только в перспективе истории рождается объективная оценка. Без прошлого нет будущего. Характерным представителем прошлого был, скончавшийся 2 декабря 1933 г. в Лионе контр-адмирал Иванов Тринадцатый. Он навсегда связан с прекраснейшей страницей истории Российского Флота. 1 августа 1904 г. Неравный бой Владивостокских крейсеров с эскадрой адмирала Камимуры. Избитые, залитые кровью, уходят на родной север "Россия" и "Громобой". На месте сражения мечется на смерть пораженный "Рюрик". Перебиты мачты, стеньги... Пробыты трубы. Исковерканы борта. Заклинились орудия. На палубах смерть, кровь, пожары. Корабль тонет. На искалеченном мостике, впившись в уцелевшие поручни — лейтенант Иванов XIII. Щеки осунулись. Скулы обтянуты. Усы обвисли. Темными сгустками течет по лицу кровь. На предложение сдаться отвечает огнем уцелевших орудий. Без расчета на награды. Без надежды прославиться, ибо волны сотрут все. Впереди смерть. Тверд до конца, до беспамятства в холодных объятиях осеннего моря... Пусть каждый из нас, погрязший в повседневном мещанстве, честно ответит себе: способен ли он на такое голубое самурайство, на железную твердость в раз данном слове "Верно и нелицемерно, не щадя живота своего, врагам Государя моего упорное всюду чинить сопротивление до последней капли крови..." Перед вечно сияющей силою доблести над свежей могилой адмирала склоним непокрытые головы.

Ю. ТАРАСОВ

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

КОЛДЕФИ

В номере "Русской Мысли" от 18 ноября опубликована беседа сотрудницы этой парижской газеты К. Сапгир с переводчицей "Анн Колдефи, организатором встречи с современными российскими писателями", под заглавием "Прекрасные незнакомки" иностранной литературы".

С недоумением спрашиваем себя: кто такая по национальности (точнее, по происхождению) "профессор Сорбонны Анн Колдефи"? С которой, отметим, мадам Сапгир на

ЯЗЫКОВЫЕ УРОДСТВА

ты...

Если француженка, то откуда же взялось в ее фамилии твердое л, во французском языке, как известно, не существующее?

Мы всегда и везде читали (и сами писали): Паскаль, Стендаль, Альфред де Виньи, Альфред де Мюссе.

Или теперь это каким-то декретом (из Москвы? из Вашингтона?) изменено? Как выразился медик у Мольера: *Nous avons change tout cela?*

Да и французское имя Анны мы привыкли склонять: *Анна де Ноайль*. Превращать его в несклоняемое тем более неудобно, что по французски имеется (хотя теперь редко употребляется) также и мужское имя *Анн*.

Если же госпожа Колдефи американка либо англичанка, то против написания ее фамилии пером К. Сапгир возражений быть не может. Но странно тогда, что она занимает столь важный пост в Париже.

Из самой статьи приведем только заключительные в ней слова Киры

Сапгир:

"Некая издательница объявила мне с "последней прямою", что "спущены директивы" — стараться не издавать писателей, пишущих по-русски во Франции". Так значит, еще действуют директивы Луи Арагона, писавшего верноподданические стихи о Сталине?

Все сие довольно загадочно. Чьи директивы и по каким мотивам?

Хотя, впрочем, теперешние русские писатели во Франции что-то у нас не вызывают ни большого интереса, ни особенного сочувствия.

АРКАДИЙ РАХМАНОВ

НЕВЕРНЫЙ ХРОНОГРАФ

УМОЛЧАНИЯ И ИСКАЖЕНИЯ ИСТИНЫ СВЯЩЕННИКА ЯРОСЛАВА БЕЛИКОВА

Нет ничего более далекого от истины, чем описание поездки митрополита Лавра в Южную Америку, помещенное священником Ярославом Беликовым на официальном интернетовском узле Синода. Елейно-сахарное это повествование пестрит передержками и недомолвками, а общий тон, — в духе известной песенки “*Tout va bien, madame la marquise*”, — пытается внушить читателям, что главу РПЦЗ повсеместно встречали с одобрением и умилением.

Тогда как на деле — преимущественно встречали со сдержанным негодованием и недоумением.

В особенности когда, в Бразилии, верующие его спросили: “Почему же Московская Патриархия, раз она якобы так миролюбиво настроена, не возвращает теперь наше захваченное имущество на Святой Земле?”. На что митрополит ответил: “Это Божья воля” (!). Там же, на вопрос: “Был ли Алексей Второй сексотом КГБ?”, он ответил: “Да, но это в прошлом”.

Вообще-то на вопросы встревоженных прихожан, равно в Бразилии и Аргентине, митрополит отвечал, по своей привычке, расплывчато и неопределенно, сразу переходя, невпопад, на набившее оскомину, тысячу раз им повторенное, сусальное описание своих поездок в Россию.

“ФЕЙКА, ЗАМОЛЧИ!”

Кроме того, — как в публичных выступлениях, так и на собраниях с местными клириками, — священник Ярослав Беликов, известный под именем “Фейка”, все время норовил отвечать за первоиерарха. Дошло до того, что разным клирикам в двух случаях пришлось его одернуть: “Мы будем слушать митрополита Лавра, а не тебя! Замолчи!”

В своем отчете о пребывании в Бразилии, о. Беликов написал, что “прихожан волнует возможность общения с Московским Патриархатом, так как там еще свежи следы экуменизма”. Сие искажение истины, что мол остались лишь “следы”, а сам эку-

менизм якобы преодолен, особенно бросилось всем в глаза, так как через несколько дней после этого митрополит Кирилл Гундяев открыто участвовал на заседании Межрелигиозного Совета СНГ и России, организации состоящей из представителей Московской Патриархии, иудаизма, ислама и буддизма. Да и всем известно, что в самом правлении Мирового Совета Церквей по сей день состоят восемь представителей Алексея Второго.

Клирики бразильского благочиния, со своей стороны, подтвердили митрополиту Лавру свое отрицательное отношение к проекту объединения с МП. Они ему подчеркнули, что затея подчинить Зарубежную Церковь Алексею Второму, нераскаянному ставленнику советской номенклатуры, уже привела к тому, что потеряны многие заграничные прихожане: не только те, кто ушли в различные юрисдикции, но и те, кто — возмущенные таким капитулянтством — перестали вообще ходить в церковь.

Однако у южноамериканских клириков сложилось убеждение, что несмотря ни на что, нынешние руководители РПЦЗ курса на объединение не изменят, а на несогласную с этим паству — по выражению одного из бразильских клириков — “им попросту наплевать”.

Составитель же хроники, о. Беликов, свел все эти негодующие высказывания к такой свирельной фразе: “Было очень умильно видеть всех священников Сан Пауло с рукоположившим их архипастырем”.

“Я ОТВЕЧУ ВАМ ПЕРЕД ПАСТВОЙ”

Еще более искажил правду о. Беликов описывая пребывание митрополита Лавра в Чили. Он полностью умолчал о том, что настоятель храма Св. Троицы и Казанской иконы Божьей Матери в городе Сантьяго, архимандрит Вениамин (Вознюк), — сподвижник покойного исповедника архиепископа Леонтия, — два часа увещевал митрополита Лавра не идти на слияние с МП, укорял его за грубое притеснение и

преследование немошного митрополита Виталия, говорил ему, что Патриархия издевается над зарубежными соглашателями демонстративно умножая проявления почитания митрополита Сергия, заявил, что он, архимандрит Вениамин, митрополита Лавра не поминает и предупредил, что если тот будет дальше идти в теперешнем направлении, он от него отойдет окончательно.

Причем все это было сказано весьма решительно и громко. Из комнаты, где оба беседовали, все время доносились крики.

В заключение, архимандрит Вениамин допустил, чтобы митрополит Лавр отслужил краткий молебен перед Иконой Курско-Коренной Божьей Матери, которую первоиерарх привез с собой, но “посоветовал” ему литургию не служить: “Имейте ввиду, что если Вы на литургии будете проповедовать в пользу объединения с Патриархией, то мне придется там же, всенародно, Вам ответить. Так что лучше уж не служите... А вот после литургии будет трапеза, прихожане хотят Вам высказать свои мнения”.

Обескураженный митрополит сразу же распорядился менять билеты и лететь в Буэнос Айрес — за два дня до предвиденного.

И не один архимандрит Вениамин — употребляя слова Игумении Юлиании, легендарной настоятельницы Успенской женской обители в Чили, — “проявил бесстрашие перед лицом сильных мира всего”.

“ВЛАДЫКО, ВЫ НАС ПРЕДАЛИ”

Несмотря на то, что митрополит привез — “для прикрытия”, как выразился один из южноамериканских пастырей — Одигитрию Зарубежья, после литургии в Кафедральном Соборе Буэнос Айреса, к нему подошла прихожанка Елена Корженевская и, пронзенная горечью и болью, произнесла: “Владыка, Вы нас предали. Вы — Иуда”. Несомненно, она выражала самые сокровенные мысли многих десятков священ-

ников и многих сотен мирян Русского Зарубежья. Не дождавшись остальных прихожан, подходивших ко кресту, митрополит ретировался в алтарь.

“ЗАТЕЯ СЛИЯНИЯ ВЫЗВАЛА РАЗЛАД”

Мужественно и без обидных выступил 1-го декабря на собрании клириков Южно-Американской епархии с первоиерархом, митрофорный протоиерей Владимир Шленев, спросивший почему священникам ничего путного не сообщают о переговорах с МП, держат их в неведении? Он подчеркнул, что МП до сих пор оправдывает декларацию митрополита Сергия: “Это мы видели и слышали когда патриарх говорил на панихиде, восхваляя митрополита Сергия. МП была создана Сталиным как государственное учреждение и назначения в ней на все главные места были под контролем и указанием государства. И вот мы будем сослужить с соучастниками безбожной власти и признавать правительство, которое приносит присягу на конституции, а не перед Святым Евангелием и Крестом?! Все новомученики пострадали от того, что не хотели иметь ничего общего с нарушителями канонов, уставов и традиций Церкви. А наш Синод вступил в переговоры с иерархией Московской Патриархии!”

Настоятель Св. Владимирского храма в Вижа Бажестер отметил затем, что “идет суд за имущество прихода на улице Бразиль в Буэнос Айресе, и если МП выиграет, то после она будет требовать и Св. Троицкий Собор и все остальное имущество. Как можно иметь диалог с МП, когда она говорит одно, а делает другое?!”.

О. Владимир Шленев также констатировал, что затея слияния с МП внесла “среди церковного клира печальный разлад и нестроение. Нет мира и любви. Теперь прибегают к угрозам запрещения и снятия сана с тех, кто не согласен с объединением”. По словам митрофорного протоиерея, церковные новости доходят

до Южной Америки в неискаженном виде, и наша паства информирована никак не хуже, чем паства Западно-Американской епархии”.

По его мнению, плоды умалчивания бывают печальны, а компромисс с безбожным духом века сего, ради благополучия церковной организации, ранит саму Церковь. “Для Церкви Христовой не нужно материального процветания. Православный русский народ ищет от свободной РПЦЗ слова. Объединившись с МП, не будет больше голоса свободной Русской Православной Церкви. Нельзя делать вид, что ничего не происходит, так как идет подготовка к власти антихриста. Пока не будет восстановлена симфония православного государства и Церкви, свободной от ставленников советской власти, ересей, анафем — не может быть достигнуто соглашение и не может быть литургического общения”.

О. Владимир подчеркнул также, что МП поддержала решение властей вернуть советский гимна и красный

флаг в армию и не противодействует развалу семьи, коррупции. “Нет теперь голоса Патриарха Гермогена: поэтому нам надо быть открытыми, говорить искренно, не замалчивать правду, обличать неправду и не быть теплохладными!”

“ВЛЮБЛЕННЫ В МП”

Настоятель Св.Троицкого храма в Буэнос Айресе, протоиерей Валентин Ивашевич, также коснулся темы предательства: “Проблема глубже, чем многим кажется, в Церкви есть предатели и ложь еще царствует в МП”. А по мнению его сына, священника Александра Ивашевича, выглядит будто “некоторые наши деятели влюблены в МП, и подобно молодым влюбленным, не видящим недостатков своей возлюбленной, закрывают глаза на все проблемы с МП”.

В воскресенье 5-го декабря, когда в зале при Св.Троицком соборе состоялась встреча верующих с митрополитом Лавром и священником Я. Беликовым, присут-

ствовавших поразил детский уровень их ответов: “Патриархия еще не поняла, что нужно отказаться от сергианства, но скоро поймет”; “Патриархия еще не вышла из Мирового Совета Церквей, но наверное скоро выйдет”. Большею частью, однако, вопросы оставались без всякого ответа. Одним за другим поднимались прихожане и призывали митрополита не отступать от исторического пути нашей Церкви. Они ясно дали ему ощутить, что епархия, за редчайшими исключениями, единодушно настроена против объединительной затеи. Но первоиерарх остался безразличен к голосам паствы.

Убедившись в этом грустном факте, многие верующие обсуждали затем, что делать? Большинство, пожалуй, согласилось бы с формулировкой архимандрита Вениамина: “Когда убийство только замышляется, полиция, как правило, ничего не может предпринять. Она приступает к действию лишь когда убийство совершено. Так и здесь:

замышляется убийство Зарубежной Церкви. Пока это только намерение — мы ничего не можем сделать. Но когда оно будет приведено в исполнение, мы будем действовать”.

Что касается священника Ярослава Беликова, он предал Зарубежную Церковь еще в 1988 году, когда будучи джорланвилльским семинаристом, тайком отправился праздновать 1000-летие крещения Руси вместе с сексотом КГБ Алексием Вторым. Мало того, во время тамошних торжеств он вместе с семьей Холодных держал плакат со словами “Русская Зарубежная Церковь”. Держал самозванно и нечестно, так как, разумеется, никто его на это не уполномочил и он подвергся по возвращении выговору со стороны митрополита Виталия.

А теперь, в своих неверных описаниях поездки митрополита Лавра, этот уроженец Аргентины лишний раз предал истину.

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Чхартишвили. “Писатель и самоубийство”. (Москва, 2003)

Мы не занимаемся раскрытием псевдонимов; но то, что Григорий Чхартишвили это Б. Акунин, много раз уже упоминалось в печати.

Книга посвящена довольно-таки мрачной проблеме, но бесспорно содержит богатый и ценный познавательный материал.

Относительно самоубийц вообще излагаемые факты интересны; однако, нельзя назвать их неожиданными. Выясняется, что по всей Европе число самоубийств начало расти и растет дальше по мере разрушения в массах веры в Бога.

Притом их меньше в католических странах (и в православной Греции) и гораздо больше в протестантских.

Вот странная и любопытная деталь: максимальное число падает на скандинавские и финно-угорские государства.

Причем, если верить автору, оно пропорционально велико не только в Финляндии, Эстонии и Венгрии, но также и у финно-угорских племен России, в частности у удмуртов (вотяков). Хотя кроме происхождения у перечисленных народов мало общего в быту и в исторических судьбах.

Что до России вообще, в ней самоубийства были редки в царское время, сделались частыми в советское, и достигли совершенно ги-

бельных размеров после крушения большевизма и установления настоящего нелепого режима.

В остальном, в мировом масштабе, самоубийц всюду меньше в сельских местностях и больше в городах. И меньше там, где много детей (что доказывало сохранение крепких семей).

Главная часть исследования касается не самоубийств вообще, а самоубийств писателей. Автор дает краткие биографические очерки 350 писателей разных времен и разной национальности, “добровольно ушедших из жизни”.

Особо любопытны данные о японских и китайских писателей, мало для нас известных. Здесь Чхартишвили в своем элементе: он специалист по японскому языку и японской культуре.

В целом вырисовывается та картина, что особенно часто, в наше время и в недавнем прошлом, кончали с собой писатели и поэты левых взглядов, порвавшие с религией и часто неустойчивые в политических взглядах.

С точки зрения фактической точности, сделаем следующие замечания:

Автор не прав об А. К. Толстом, тот никогда не принимал наркотиков для стимулирования творчества, Морфий ему прописали врачи, в борьбе со страданиями от болезни (эмфиземы легких), Об этом точно рассказано в его сохранившихся письмах. Мало вероятно, чтобы он сознательно

отравился: скорее, принял чрезмерную дозу, плохо рас считав,

В списке самоубийц мы находим Луи Буссенара. Но почему-то нет Эмилио Сальгари, которого можно бы назвать итальянским Буссенаром, и который в литературе своей страны занимает достаточно видное место,

В том разделе, где говорится о писателях (не самоубийцах) живших романтической и героической жизнью (Байрон, Лермонтов) удивляет отсутствие Н. Гумилева.

Наименее интересная часть книги — попытки философских и идеологических (даже отчасти богословских) обобщений. Они стоят на уровне западной левой интеллигенции; а мы знаем, сколь сомнительны ее суждения и сколь опасны ее заблуждения.

Вызывают вопрос и попытки писателя определить понятие русской интеллигенции. Если это имя обозначает мыслящую и культурную часть нации (или даже хотя бы часть пекущуюся о простом народе) непонятно, отчего считать, что она зародилась с Петра Первого? Тогда, пожалуй, к ней принадлежали дружинники Святого Александра Невского, и бояре Иоанна Третьего и уж, конечно, летописцы Киевской Руси.

В отношении языка, оставляя в стороне чрезмерные американизмы, (пазл вместо “загадка”, “головоломка”), очень одобрим (тем более ценные, что со стороны профессионала!) склонения японских слов по

всем падежам: Мисима, Мисимы; Китакура, Китакурой и т.п. В отличие от дурацких устремлений употреблять эти имена как несклоняемые, частых в постсоветской печати,

Зато вопиюще ужасны написания кельтских фамилий типа Мак Каллерс, Мак Юэн в одно слово (Макъюэн — sic!). Страшно подумать как бы выглядели в постсоветском издании романы Вальтер Скотта или Стивенсона!

Безобразно начертание **Игнацы** вместо Игнаций, — ничем, в сущности, не меняющее произношение этого польского имени.

И нужно ли изображать фамилию известного английского поэта **Александра Попа** как **Поуп**?

Заметим еще, что зря Чхартишвили пускается в этимологические изыскания в области английского языка: слово gentleman не имеет ничего общего со словом generosus, а образовано от gentle, а то — от латинского gentilis.

А вот с удовлетворением видим, не только в этой книге, но и везде в нынешней печати, что не привилось чудовищное новшество писать **Лиссабон** через одно с! Хотя одно время оно и грозило утвердиться в Эрефии.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

От Редакции: Чхартишвили также не упомянул аргентинскую писательницу Марту Линч и эмигрантского литератора Евгения Тарусского, покончившего собой в Лиенце, чтобы избежать выдачи.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ (Москва)

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА "ВЛАСОВЦЫ"

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

- Андрей Андреевич, баню истопили, — прервал думы голос адъютанта Кузина.

Пошли, снежком поскрипывая.

Баня была — не в землянке военный самодел, а самая настоящая: тылы дивизии заняли бывшее лесничество. В предбаннике командарм разложил на лавке обмундирование, прикрутил фитиль семилинейки для экономии и открыл низкую дверцу, шагнул, ссутулившись, в жаркий, почти жгучий, воздух.

Посреди парной стояла дымная взвесь, в раскаленной утробе каменки шипело, пощелкивало: банщик шарахнул туда воды из ковша с пучком какой-то травы для пахучести. Дышать было горячо, но сухо, благодать после никак не избегаемой лихорадки.

- О-ох, пекло, — пробасил Власов, — прямо Ташкент. Вольно, вольно, садись, — махнул рукой вскочившему солдату в вязаном трофейном подшлемнике. — И я посижу с тобой. Мощно натопил, молодец. Как зовут? Да ладно, рядовой Гужов — для службы. А мы в бане сидим. Тут все равны. Иван? А по батюшке? Егорыч? Посидим Егорыч. Я под Киевом простыл в окружении, малярию схватил, до сих пор трясет, зараза. Так ты меня отпарь, Егорыч. Венчиком выхлещи ее из меня.

- Посидим маленько, товарищ генерал, прожаримся. А потом уж — и венчиком. Вот он, в ведре отмякает. Лесник много заготовил, на крыльце вороха висят.

Скипуче взвизгнула заслонка — Егорыч присел у печки, тухнул в алую жару одно еловое поленце, другое, кочережкой пошебаршил, закрыл. Он был худощав, костист, угловатое, скуластое лицо в знойном распаре имело совершенно детский розовый цвет. Доброе детское выражение хранили и круглые, карие, глубоко сидевшие глаза, но глядел ими банщик вполне умно и прозорливо. Чувствовался в нем хороший, опытный, разворотливый солдат — абы кому генерала не доверят. Но ощущалось и другое: отгремит война, отсвистит свинцовый ветер смертельный, и, лишь начнутся дела жизни, отобьет Егорыч косулитовку, а потом с двух сторон ушек, с протягом, погладит потертым серым брусом. И, когда в пахучем синем предутре волной ляжет трава, и столбовым трактом пойдет прокос по лугу — в тот миг забудет человек и маршевый измор, и консервные банки в траншейной грязи, и шинель свою сырую у чадающего костерка. И форсированные реки, русские и чужие, когда минометный фонтан рушит на твой плот воду с осколками, и рвануюземлю плацдарма, и еще один город, и еще, и деревни, и села из обугленных голых печей... Все можно забыть, все... Ненадолго, ибо война — навсегда. Но на эти

часы, в которые творится вечный труд жизни, и она, проклятая, забывается.

Жаркий пот уже пробил поры, намочил волос на груди, потек, закапал на доски пола. Банщик еще вытяжку призадвинул, на камни плесканул мятым настоем, зной с потолка такой свесился — ни ртом, ни носом не вдохнешь, огонь!

- А вот венчиком? Венчиком маленько, товарищ генерал! На полочку ложитесь!

И обрушились на плечи, на знобкую после малярии спину горячие мокрые прутья, сечь начали, банный целительный жар внутрь вгонять. Заходило пахучее березовое пекло по хребту, по ребрам, по пояснице.

- Баня парит, баня правит, баня все поправит, — приго-

полыхало ледяным ожогом вперемешку с банной жарой — выдрался из развороченного, будто танком, сугроба, скакнул обратно в баню. Часового возле блиндажа дернуло ознобной судорогой.

А в парилке — пекло, пар клубами ходит, пучки мяты да череды под потолком колышутся. Егорыч, ухарь, на лавку влез, башкой и плечами в наилютый пар, венником хлещется, красный, будто рака сварили.

- Каково искупались, Андрей Андреевич? Так договорились они. В бане ни генералов, ни солдат.

- Будто заново живу, — выдохнул Власов.

Снежный ожог вместе с банной прожаркой дали невероятное ощущение льющейся под

- Так мы ж не в бане сейчас, в предбаннике, то... Андрей Андреевич. Сандовского району я.

- Не слышал.

- А мы дальние, считай, что вологодские. Раньше Вологодой и были. А потом колхозники наши написали Калинин, хотим дескать за вами быть. Нас к калининским и приписали.

- Как живете-то? Колхозы хоть приличные?

- Да живем, Андрей Андреевич, известное дело... Рожь растим, в Ракитине, соседняя с моей деревня, конезавод до войны был, как сейчас, не знаю. Колхозы — что колхозы? Не жалуемся особо. Лен хорошо родится.

- А единолично хотел бы снова?

Егорыч пустил в губы скупую усмешку, но не ответил, а лишь глянул искоса на командарма вроде бы детскими, а все видящими глазами.

- Хотим мы, хотели... Да только... вспотели. А вы из кого будете, Андрей Андреевич? Из рабочего класса?

- Я, Иван Егорыч, как и ты, из крестьян. Нижегородская область, село Ломакино. Отец мой из царских солдат — гвардейцев. Церковным старостой стал потом. Жили средне, ни бедно, ни богато.

И чаю отхлебнул. Молодец Кузин, малиновый сделал. А телу уже полегчало, и в груди попросторнело, и ушам стало лучше. За лесничеством и блиндажами рычали моторы, лязгали гусеницы, команды слышались отдаленные — танки перебрасывали с опушек на дорогу к лесной окраине.

- Из крестьян... А колхозы сами одобряете?

- Нет, Егорыч, — командарм повернулся весь к нему, твердо в глаза глянул. Даже если опасаться, что "специальный" банщик у него, особистский — все равно. Завтра опять штабы, на народ из окна "эмки" глядеть, да на митингах, где все в струнку перед тобой, а что думают — неизвестно. Сейчас или никогда. - Нет. Я старикам своим корову подарил, когда женился. Потом в Китае служил. А ее в колхоз свели. Убивались отец с матерью. Нельзя так, кто на земле работает, лишать привычного, страх перед завтрашним днем прививать. Нельзя слишком гнать в работу. Разучатся люди любить труд. А без крестьян не жить России. Не жить.

Рядовой Гужов молчал, в пол глядя. Потом голову поднял. Но не на Власова смотрел, а куда-то, куда не видно было. И слова трудно выдавливались, так как запретил себе мужик и говорить об этом, и думать. Даже сейчас не было полной веры у Егорыча, что можно говорить, можно довериться.

- Ходили у нас по дворам, кулачили. От избы к избе. Сидим

варивал Гужов, брызгая венником.

Ни рук, ни ног уже не ощущалось. Никакие части телесные тебя не слушались, да и мыслей не было что-то ими делать. Будто — снова ребенок ты во чреве матери. И пробьет твой час, и родишься ты. Новым, не бывшем прежде...

Ухнув, командарм соскочил с полка, по скользкому полу вылетел в предбанник и, как был, — на двор. Когда отгребали снежную целину от бани, сугробы накидали по бокам — невысокому в рост. Власов черпанул горстями сухой сыпучий снег: мороз — минус двадцать. Протер сердечную область, протер лицо.

И, рывкнув сочно про чьих-то близких родственников — головой вперед в обжигающую холодным зноем купель. Раздалась она под ним, утопила. Еще ухнул. Еще родню помянул. Перекатился на спину, встал и, не отрываясь, — все внутри

разгоревшейся кожей молодой крови, бодрость чувствовалась, словно сбросил тяжко переболевший генерал лет десятка полтора. И венчиком он почесал Егорыча, будто дружка старого, и не было в ту минуту ни у кого мысли, что мол один из парильщиков — рядовой, а второй — десятков тысяч рядовых начальник и хозяин. И не тянулся Гужов перед ним в струнку, и бодро-казенно не глядел. И не сверлили власовскую спину ни комиссары, ни адъютанты.

Вывалились оба в предбанник, на лавку сели, в простынях, как древние греки. А на столе — уже чай в чайнике да стаканы. Командарм заранее попросил.

- Хорошо паришь, Иван Егорыч, — умиротворенно прогудел Власов. — Сам-то будешь чай? Откуда?

- Тверской я, товарищ генерал. Калининский.

- Генерал в штабе буду. Договорились ведь.

и ждем. Будто грабить пообещали, а оборониться нельзя. От мазурика собака есть, топор да вилы, а тут все по закону.

Власов не отрывал от него глаз.

- Брат у меня молодой был. Такой гармонист... будто с тальянкой и родился. Девки мерли по нем. Я и сам играю тут, когда бойцы мерзнут. Хвалят, говорят, хорошо. Да против Саньки мне - некуда. А тут бежит сосед, партийный, видать не протухла совесть еще. Баит, в списках стоите, ты и брат. Да за что? Одежу из сундуков всю побрали! Валенки сняли с печи. И опять идут? - А шепнул кто-то, что гармонь у тебя добрая есть. Вот и кулак. Хоть ложись, свечку в руки! А матка говорит: вы в родник ее, в колодезь. Подвесите тама, Бог спасет.

Мосластые кулачища генерала сжались так, что задрожали, красные поры оплели костяшки.

- Что с людьми делают... — прошептал он неслучно. — Что делают... Нет, Боже, нет, не могу... Нельзя прощать...

- И спрятали, не нашли. А то сейчас бы не с вами, с медведями белыми парился.

Егорыч засмеялся, но невесело, не смеются так, а скорее, с усмешкой плачут.

- Никого не посадили. Мать сама померла, от сердца. А Сеньку вместе со мной на войну взяли. Только не вместе мы. В Крыму он, на южном. Давно письма не было, уж и не знаю, что с ним.

- Ну, добро попарились, хорошая баня, — прогудел Власов подымаясь. — Спасибо тебе. Знаешь, как легче стало...

Оделся, подпоясался и, пожав руку Гужову, вышел на скрипучую тропку возле разворошенного сугроба. Очки запотели, снял их. От блиндажей гуськом шли с вениками и железным тазом Король со штабными — во второй пар.

- Постегай их, Иван Егорыч, — шепнул сам себе. — Только не как меня.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Постоянный сотрудник "Нашей Страны", талантливый поэт и писатель Антон Борисович Васильев пишет роман о Русском Освободительном Движении времен Второй Мировой войны. Для завершения своего труда ему необходимо ознакомиться с воспоминаниями участников, как опубликованными, так и находящимися доселе в рукописях. Мы обращаемся к читателям с просьбой помочь ему в этом. Его адрес: Россия 125565 Москва, ул. Пулковская 3-1-103

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРХИЕПИСКОП МАРК

Нам пишут из Москвы:

В интервью "Независимой Газете" правящий иерарх Германской епархии Зарубежной Церкви впервые признал, что уния с Московской Патриархией будет не только на евхаристическом уровне, но и на административном.

Архиепископ Марк (Ардт), главный зачинщик унии, заявил: "На конец 2005 или начало 2006 года мы планируем созвать Всезарубежный Собор на котором ожидается всестороннее обсуждение вопросов, связанных с установлением литургического и административного общения".

ВОЗРОЖДЕНИЕ КГБ

Нам пишут из Москвы:

Газета "Аргументы и Факты" сообщила, что новый проект реформы спецслужб "предусматривает слияние а одну структуру ФСБ, СВР, следственные службы МВД и наркоконтроль. С учетом того, что недавно в ФСБ уже возвращены пограничная служба и ФАПСИ, процесс полного восстановления службы безопасности будет завершен. Среди разработчиков проект так и называется — "КГБ-2".

ПРОТ. МИХАИЛ АРДОВ

Нам пишут из Москвы:

В Кронштадте заложена часовня "Святого Федора Ушакова". В связи с этим,

протоиерей Михаил Ардов написал в "Портале-Кредо. Ру", что канонизация "вполне достойного человека, вполне возможно благочестивого, но ничем в христианской жизни не прославившегося — это очень опасный путь. Следующим, кого постараются прославить те, кого именуют "православными сталинистами", будет, скорее всего, Суворов. Затем Кутузов. За ним уже мародер и кровопийца маршал Георгий Константинович Жуков, а потом уж генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин (благо в семинарии учился!). При этом есть же такие люди, и среди них был покойный, недавно умерший священник Дмитрий Дудко, у которого в одиозной газете "Завтра" вырвался такой, можно сказать, клич. Он писал: "святой праведный Иосифе, моли Бога о нас! — по отношению к Сталину".

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ ПЫТАВШИЙСЯ СПАСТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ

К 50-летию со дня смерти генерала С. Н. Войцеховского

Сергей Николаевич Войцеховский родился 29 ноября 1883 г. в Витебске, окончил военное училище в Вильне, а затем Академию Генерального Штаба.

Первую Мировую войну прошел практически от начала до конца, вначале на самом фронте, а затем на штабной работе в Ставке Верховного Главнокомандующего.

Революцию встретил в чине полковника, не принял ее, и активно боролся против красных в рядах армии адмирала Колчака. Уже в мае 1918 г., как вспоминает в своем "Военном дневнике" известный чешский легионер Карел Кноблех, полковник С. Н. Войцеховский возглавил под Челябинском батальон чешских легионеров в составе около 800 человек. С того момента его дальнейшая судьба была связана с чехами. К моменту осады Екатеринбурга он уже командовал западным сектором наступающих смешанных русско-чешских войск. Им же был передан ультиматум Екатеринбургскому реввоенсовету о сдаче города и выдаче Царской Семьи, которая в это время находилась под арестом в доме купца Ипатьева.

Ультиматум был отвергнут и после тяжелых боев 25 июня 1918 года Екатеринбург был взят — увы, слишком поздно.

Поиск останков Царской Семьи, который был организован полковником Войцеховским и непосредственно

проводился военным прокурором Соколовым, не увенчался успехом.

Целый год, до июля 1919 года город Екатеринбург жил мирной жизнью, будучи главным опорным пунктом чешских легионеров, в рядах которых полковник, а с 1919 г. генерал Войцеховский, занимал все более авторитетное место.

Однако по распоряжению чешского правительства, уже в мае началась эвакуация легионеров через Омск и Иркутск во Владивосток. В санитарных поездах, — эвакуация временами шла через уже оккупированные красными территории — генерал Войцеховский вывозил часть русского золотого запаса, хранившегося ранее в Казани.

Успешно достигнув Владивосток, он в 1920 году, казалось бы, навсегда покидает Россию — и приезжает в Прагу.

Учитывая его заслуги, в том числе и по сохранению жизней чешских легионеров, тогдашним военным министром М. Р. Штефаником он назначается командующим военным округом в Михаловце, а позднее становится командующим Брненским военным округом.

Вскоре, однако, в Европе начинают сгущаться тучи и генерал Войцеховский проявляет себя сторонником оказания отпора Гитлеру. Имея громадный организационный и военный опыт, он высоко поднимает боеготовность вверенного ему округа.

За несколько дней до оккупации, на экстренном совещании у президента Бенеша, имея на руках разведывательные данные, полученные от шефа военной разведки полковника Моравца, генерал Войцеховский пытался склонить президента к вооруженному сопротивлению Вермахту, доказывая с цифрами в руках, что чешская армия превосходит, по количеству и по качеству, готовые к вторжению немецкие войска, что боевой дух армии как никогда высок. Но его слова не были приняты во внимание.

Немецкую оккупацию генерал Войцеховский прожил в роли пенсионера.

Несмотря на то, что он имел чешское гражданство, сразу же после занятия Красной Армией Праги, он был арестован и депортирован в Советский Союз. Повидимому он почувствовал такой исход событий, потому что еще до окончания войны отправил свою семью из Праги.

Белый генерал был осужден на "мягкий", — по советским меркам — срок в 10 лет. Однако не дожив полугода до окончания срока, С. Н. Войцеховский умер от истощения и болезней в одном из лагерей Воркуты.

Так закончился земной путь доблестного офицера Императорской, Белой и Чехословацкой армий, пытавшегося спасти своего Царя.

О. БАРТЕНЕВ